

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ (ОПЫТ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ)

И. А. Филатенко

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев (Украина)

Resumen

En el presente artículo se trata el análisis conceptual de la realidad política que producen los medios de comunicación de Ucrania: se muestran los actuales modelos metafóricos, se han construido los paradigmas metafóricos y se han analizado en su interrelación.

Palabras clave: medios de comunicación modernos de Ucrania, realidad política, metáfora política moderna, modelo metafórico, paradigma metafórico.

Abstract

Conceptual analysis of political reality which produces modern mass-media of Ukraine has been undertaken in the article: actual metaphorical models have been displayed; metaphorical paradigms have been built and have been analysed in their interrelation.

Key-words: modern mass-media of Ukraine, political reality, modern political metaphor, metaphorical model, metaphorical paradigm.

На изломе XX – XXI человечество захлестнула волна глобализации процессов, происходящих в различных сферах его жизнедеятельности. В условиях современного мира глобальный характер приобрело и информационное воздействие на международное сообщество, ведущую роль в котором играют средства массовой коммуникации. Существование всемирной сети Интернет, пользователями которой являются около 300 миллионов человек, не оставляет никаких сомнений в его силе. Однако в России и в Украине уникальная роль СМИ в жизни общества только начинает осознаваться исследователями. В то время как в англо-американской коммуникативистике концепция *медиатизации* жизненного пространства социума приобрела широкое распространение (Чистопашина 2000: 43). Согласно зарубежным исследователям, медиатизация – глобальный и интенсивный процесс воздействия СМИ на общественное сознание, который приводит к внутренней колонизации, фрагментации, обнищанию ментальных представлений человека (Землянова 1999), разрушению многих конститутивных элементов в традиционной структуре человеческого опыта. На таких деструктивных последствиях этого явления акцентируют внимание ученые. Не обращаясь в данной статье к детальному рассмотрению проблемы медиатизации в целом (Кудрявцева, Филатенко 2007: 331–337), отметим, что утверждение о губительности упомянутого процесса представляется нам слишком категоричным.

Одной из наиболее важных сфер жизнедеятельности для социума является политика. Потому и неудивительно, что медиатизация политического процесса, по словам М. К. Гюлли, “достигла предела...сегодня средства массовой информации действуют так, словно не отдают себе отчета в том, что политическая реальность независима от них” (цитируем по: Чистопашина 2000: 44). Любой политик является реальным субъектом политической жизни лишь благодаря отображению (или инсценированию?) его деятельности в СМИ. Любое политическое событие становится общественным достоянием лишь потому, что его обнародовали в средствах массовой информации. Таким образом, перемещение политической жизни в символическое

пространство масс-медиа предоставил последним фактически неограниченные возможности в конструировании *собственной реальности*.

Одним из эффективных способов создания концептуальной картины мира является метафора (Телия 1988). Когнитивная природа этой единицы предоставляет ей возможность творить социальную реальность. Таким свойством метафоры не могли пренебречь СМИ, ведь в их руках оказалась призма, сквозь которую (если ее правильно повернуть) адресат увидит именно то, что ему надлежит увидеть. Таким образом, метафорические единицы, активно употребляемые в украинском масс-медийном дискурсе, по сути должны репрезентовать концептуальную картину политической действительности Украины.

Анализ украинских СМИ за 1999 – 2007 гг. (газеты “Зеркало недели”, “День”, “2000”, “Кіевскій телеграфъ”, интернет-газеты «Лига Бизнесинформ», «Народная оппозиция» и др.) позволил выявить 15 актуальных метафорических моделей, под которыми понимаем не понятийную область-источник со всеми возможными связями её элементов (А.Н.Баранов, Ю. Н. Караулов 1994), а динамическую структуру, вскрывающую когнитивный механизм образования метафоры, демонстрирующую взаимодействие области-источника и области-цели (Филатенко 2003). (Отметим, что концептуальная метафора не тождественна метафорической модели, хотя и дает ей имя. Она является принадлежностью мышления, основной ментальной операцией, которая порождает новые знания, а метафорическая модель лишь отображает этот механизм.) Это такие единицы, как “политические реалии – это спорт” (*первый тайм заседания парламента; эстафетная палочка выборов*), “политические реалии – это музыкальная игра” (*первая скрипка в парламентском оркестре; в партийном ансамбле каждый пытается солировать*), “политические реалии – это интеллектуальная игра” (*парламент оказался в патовой ситуации; сицилийская защита Президента*), “политические реалии – это стихия” (*политическое землетрясение; извержение президентских амбиций*), “политические реалии – это экономические отношения” (*политический бартер; на торговой сессии парламента возросли котировки статей бюджета*), “политические реалии – это кухня” (*политическая кухня; повареная книга отечественного политика*), “политические реалии – это космические явления” (*спад солнечной активности украинского гаранта; парад политических тел в президентской галактике*), “политические реалии – это танцы” (*политические танцоры; вальс в исполнении оппозиции*) и др.

Освещая события политической жизни, адресанты украинских СМИ имеют потенциальную возможность актуализировать самые разнообразные метафорические модели. Соответственно, объективация этих единиц является не случайной, поскольку именно они, по мнению журналистов, содержат важную информацию для «правильного» понимания отечественной политической действительности. Как полагают некоторые исследователи, концептуальная картина политической действительности формируется «стихийно-хаотично» (Проскураков 1999, 34). Однако собственные наблюдения позволяют утверждать, что это разнообразие можно определенным образом систематизировать и представить её фрагмент как явление целостное.

Ряд выявленных метафорических моделей мы рассматриваем как производные единиц более высокого уровня абстракции – *метамодели*. Организованную таким образом совокупность эксплицированных моделей обозначаем термином *метафорическая парадигма*. Критерием принадлежности метафорической модели к парадигме считаем наличие гипо-гиперонимических отношений между понятийными областями-источниками метамодели (то есть соответствующего концепта) и модели частной (отдельного узла концепта). Такой концепт должен носить инвариантный характер, иметь некоторые общие смыслы со своими составляющими. В результате анализа было выявлено три метафорические метамодели и, соответственно, три

парадигмы. Эксплицированная метафорическая метамодель “**политические реалии – это представление**” имеет следующую одноименную парадигму:

- 1). “Политические реалии – это театр” (*политический сезон парламентского театра; первый акт заседания Верховной Рады; анилаг в театре абсурда под куполом*);
- 2). “Политические реалии – это кинематограф” (*заключительная серия политического сериала сезона весна–лето «Как мы создаем коалицию»; второй дубль парламентских выборов; политический экинг*);
- 3). “Политические реалии – это цирк” (*команда клоунов; политическая арена; политические эквилибристы*);
- 4). “Политические реалии – это танцы” (*политический гопак; дикие политические танцы; белый танец Тимошенко; политический рок-н-ролл*).

ТЕАТР, КИНЕМАТОГРАФ, ЦИРК, ТАНЦЫ являются узлами единого концепта ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, то есть находятся с ним в гипонимических отношениях. Использование производных указанных моделей в рамках общего контекста для описания одного факта подтверждает данное положение.

1). “*Мизансценирование* нынешнего *политического кризиса* настолько *кинематографично*, что невольно ищешь внутренним взором конкретного *постановщика*, ибо обе стороны предельно *театрализуют* свои акции, но каждая в своем *жанре*” (Зеркало недели. 17–23. 3. 01). 2). „Наш *политический сериал* „*Апельсиновые приключения*” в самом разгаре. Его *режиссеров* предостаточно, причем каждый из них старается привнести в *сценарий* свои „ноу-хау”. *Кульминация* событий не за горами. Но, думаю, было бы нелишне послушать мнение одного немаловажного *персонажа* нашей *пьесы*” (Каспий, 07. 11. 2007).

Подобная объективация метафорических моделей, являющихся членами одной парадигмы, может быть объяснена в целом общей мотивирующей базой наименования, которую определяем как *искусственность, наигранность, фальшивость*.

Наиболее высокой продуктивностью среди упомянутых единиц обладает модель “политические реалии – это театр”. Об актуальности, продуктивности метамодели “политические реалии – это представление” свидетельствуют также метафоры, которые объективируют её непосредственно. Проиллюстрируем это положение.

1). «Сегодняшний, тыловой, Майдан служит для иных целей. Ему отвели малопочтенную роль шоу-площадки. Некоторые посетители нового политического шоу, кстати, рассчитывали увидеть некое подобие *показа новинок предвыборной моды*. От баррикады до *подиума*. Но у баррикады и *подиума* совершенно разные ауры. (Зеркало недели, 26.11–2.12. 2005). 2). Взойдя на *парламентский подиум* одним из первых, Николай Катеринчук сразу же расположился по правую руку от председательствующего Бокия. (Обозреватель, 26.05.2006). 3). «То, что происходит сегодня в нашем обществе – это бесстыдная, наглая демонстрация протухших и полупротухших душ. Это какой-то дикий *политический подиум*, на который с непонятым упорством и неожиданным проворством *лезут моральные мертвецы*, чтобы *продемонстрировать* то, что в нормальном обществе скрывают ... Итак, главные действующие лица: Президент и парламент» (Зеркало недели, 23.12.00).

Такие метафоры, как *политический подиум, новинка предвыборной моды, демонстрация на подиуме украинской власти*, безусловно, относятся к сфере ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, о чем свидетельствуют соседствующие с ними в одном контексте единицы *политическое шоу, шоу-площадка*. Однако ввиду своей немногочисленности они не дают оснований для экспликации частной модели. В то же время наличие подобных единиц заставляет предположить, что в дальнейшем данная парадигма может обогатиться новыми структурными элементами («политические реалии – это показ мод»).

Метафорическая метамоделю “**политические реалии – это борьба**” имеет трехчленную парадигму, в состав которой входят следующие единицы:

- 1). “Политические реалии – это война” (*политические саперы; капитуляция Верховной Рады; штурмовой отряд Президента*);
- 2). “Политические реалии – это спорт” (*политический спарринг-партнер; матч “Кучма - оппозиция”; тренировки партийных команд в преддверии выборов состязаний*);
- 3). “Политические реалии – это охота” (*политический охотник с разрешением на отстрел; политическая наживка для премьера; улов коммунистов*).

Метафорическая модель “политические реалии – это война” характеризуется наиболее высокой степенью продуктивности. Понятийные области-источники данных моделей пребывают в едином интегративном пространстве БОРЬБА и имеют общие, инвариантные смыслы. Соответствующим единицам присуща в целом и общая мотивирующая база наименования, определяемая как *стремление к победе, непримиримость, антагонизм*. Показательно, что в исследуемом материале вербальные реализации этих моделей органично соединяются в одном контексте. Например, производные единиц “политические реалии – это война” и “политические реалии – это спорт”:

- 1). «Как и профессиональному боксеру, государственному аппарату необходим постоянный *спарринг-партнер* в лице сильного, организованного и интеллектуально развитого гражданского общества. Без такого *партнера* государство, как и боксер, обречено разжиреть, *ослабнуть*, короче *потерять квалификацию и проиграть* любую *политическую войну*» (Эксперт, 16.10.2007).
- 2). “В середине сентября, скорее всего, может состояться лишь *парламентская пристрелка* дела “Украины”, *разминка* перед *спаррингом*” (Киевский телеграфъ. 10 – 16. 9. 01).

Это еще раз свидетельствует о неизолированном существовании соответствующих сфер-источников на когнитивном уровне, а следовательно, и целесообразности построения парадигм, раскрывающих данное свойство.

Эксплицированная в исследуемом материале метафорическая метамоделю “**политические реалии – это игра**” формирует одноименную парадигму. Согласно И. Д. Гажевой (Гажева 2000), для внутренней организации концепта ИГРА релевантными являются следующие узлы: 1) детская игра, забава; 2) взрослая игра в игру; 3) сценическая игра; 4) игра на музыкальном инструменте. Как показали наблюдения, адресанты исследуемых единиц регулярно актуализируют последние три узла. Они и послужили основой для экспликации составляющих данной парадигмы. Её внутренняя организация репрезентирована такими моделями:

- 1). “Политические реалии – это музыкальная игра” (*дирижер парламентского оркестра; партии записали совместный электоральный CD; политическая партитура*);
- 2). “Политические реалии – это интеллектуальная игра” (*Президент играет на доске будущего года; политический гроссмейстер; политический покер*);
- 3). “Политические реалии – это театр” (*восходящая звезда политического театра; политический партер; премьера политической комедии*);
- 4). “Политические реалии – это спорт” (*центрфорвард президентской команды; поражение премьера нокаутом; чемпион в супертяжелом политическом весе*).

Для данной метамоделю мотивационной базой является комплекс неоднородных признаков. Как представляется, это обусловлено, по определению Л. Витгенштейна (Витгенштейн 1994), “размытостью” понятия ИГРА, а следовательно, и соответствующего концепта. Таким образом, мотивационные признаки в целом определяем как *искусственность, наигранность, стремление к победе / успеху*. Адресанты исследуемых единиц также объективируют метафорические модели этой парадигмы в одном контексте и последовательно противопоставляют игру

интеллектуальную и спортивную, считая оппозицию “интеллектуальный – физический” в условиях актуального политического пространства существенной.

“Что есть политика? *Игра*. Здесь одинаково ценят способность *сохранить хорошую мину при плохой игре* и умение *поигрывать мускулами*. И только знаток способен разглядеть эстетскую *шахматную комбинацию* в том, что...сдается банальнейшим *перетягиванием каната*” (Зеркало недели. 20 – 26. 10. 01).

Очевидно, что метафорические модели “политические реалии – это театр” и “политические реалии – это спорт” характеризуются двойной принадлежностью. Каждая из них трактуется как продукт двух метафорических метамodelей одновременно: в первом случае, “политические реалии – это представление”, “политические реалии – это игра”; “политические реалии – это борьба”, “политические реалии – это игра” – во втором. На наш взгляд, это согласуется с положением о том, что одна и та же вербальная единица может быть производной нескольких метафорических моделей (Н. В. Павлович 1995). Полагаем, что принцип двойной соотнесенности не теряет актуальности и на более высоком уровне абстракции, и одна метафорическая модель может являться производной разных метамodelей и составляющей разных парадигм. Такая взаимопроницаемость парадигм позволяет выявить не только их взаимосвязь, но и взаимосвязь самих метамodelей, что вскрывает неизолированный способ существования соответствующих концептуальных метафор в мышлении. И фрагмент концептуальной картины политической действительности Украины, которую репрезентируют производные рассмотренных метафорических моделей, предстает как явление органичное, целостное.

Таким образом, адресанты украинского масс-медийного дискурса структурируют политическую реальность по собственным правилам и именно в таком виде предлагают её потребителю. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, БОРБА, ИГРА являются сверхважными составляющими концептуальной картины политической действительности Украины, поскольку в их пространстве интегрирован целый ряд метафор. Способность мас-медиа к структуризации обуславливает опыт адресатов, что приводит к осуществлению власти над ними (Р. Блакар 1987). В конце концов, дело не в том, что определенное событие политической жизни получило название *танец на разбитом стекле*, вопрос в том, какие изменения в мировоззрении и поведении человека это вызывает.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАРАНОВ, А. Н., КАРАУЛОВ, Ю. Н. (1994): *Словарь русских политических метафор*, Помовский и партнеры, Москва.
- БЛАКАР, Р. М. (1987): «Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использование в социальном контексте)». В кн. *«Язык и моделирование социального взаимодействия»*, Прогресс, Москва.
- ВИТГЕНШТЕЙН, Л. (1994): *Философские работы*, Гнозис, Москва – Ч. 1.
- ГАЖЕВА, И. Д. (2000): «Опыт концептуального анализа имени **игра**», *Филологические науки*, № 4, С. 73 – 80.
- ЗЕМЛЯНОВА, Л. М. (1999): *Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций*. Издательство МГУ, Москва.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А., ФИЛАТЕНКО И. А. (2007): «Медиатизация в современном украинском социуме: взгляд лингвиста», *Un om, un simbol*, 1, Bucuresti, pp. 331–337.
- ПАВЛОВИЧ, Н. В. (1995): *Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке*, Институт русского языка РАН, Москва.
- ПРОСКУРЯКОВ, М. Р. (1999): «Дискурс борьбы (очерк языка выборов)», *Вестник Московского университета*. Серия 9 «Филология», №1, С. 34 – 45.
- ТЕЛИЯ, В. Н. (1988): «Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира». В кн.: *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. Наука, Москва.
- ФИЛАТЕНКО, И. А. (2003): *Современная политическая метафора в русскоязычной газетной коммуникации Украины: когнитивно-прагматическое описание* Автореф. дис... канд. филол. наук: 10. 02. 02. Логос, Киев.

ЧИСТОПАШИНА, О. В. (2000): «Актуальные проблемы исследования политического дискурса и методология его изучения», *Концептуальная картина мира и интерпретативное поле текста с позиций лингвистики, журналистики и коммуникативистики*, 1, С. 34 – 52. Издательство АЛТТГУ, Барнаул, 2000.